

Михаил Жванецкий

Похождения бравого солдата Швейка

Для нового издания бессмертного романа Ярослава Гашека по просьбе издателей Михаил Жванецкий написал предисловие. Нет, не рассказывает он нам биографию автора, нет, не знакомит нас с личной жизнью Франца-Иосифа, нет, не...

– А зачем тогда предисловие? – спросит поднаторевший читатель, привыкший узнавать сюжет, кто с кем, где и когда, из предваряющей «критической статьи».

Это предисловие не о том. Не о *них*.

Оно о *нас*.

Михаила Жванецкого волнует то, что волновало Ярослава Гашека сто лет назад.

Человечество меняется медленно.

Е. Г.

Великая книга.

Она возвращает нас к иронии.

Ирония интереснее юмора.

Ирония непонятна.

Это неискреннее одобрение неискренного патриотизма.

Одобрение всего, что услышал.

Ибо увидеть это невозможно.

Если настоящий патриотизм – битва за спасение Родины.

Или того, что гибнет на твоих глазах.

Того, что любишь.

Того, чем живешь.

То принуждение к патриотизму напоминает перевод слепого через дорогу.

Ироничная книга большая редкость.

Ироничная книга большая смелость.

Ироничная книга – разоблачение и есть.

Неискренние вопли парламентов и газет о будущих победах и прославлениях вдруг встречаются в этой книге такое тихое благожелательное, такое чудесное одобрение.

Это так мило! Миво! Миво!

Такая дивная, дивная публика!

Огромная просьба продолжать законотворчество.

Не выключать пение хором на ночь, продолжить его ночью.

Пожалуйста, не останавливайтесь! Это такое наслаждение.

И, конечно, надо идти дальше в ужесточении жизни.

Это очень правильно, побольше сажать и поменьше лечить.

И не надо ждать появления предателей, а помогать им появиться, чтоб выловить подлецов немедленно.

И когда государство сплотилось в таком угаре, очень, очень важно на фоне всего этого... хотя бы кому-то быть сплоченней всех...

И шептать с бесконечным одобрением: «А вот это верно. А вот это правильно... Ах, даже так! Еще верней».

И все тихо, с улыбкой, чтоб общая картина не была такой однообразной.

Верный и brave солдат Швейк, кочуя из сумасшедшего дома в тюрьму, горячо одобряет правильность происходящего.

И даже подкрепляет примерами из своей жизни, невероятно длинной и широкой.

Как тепло рассказано о массовой слежке по выявлению настроений в обществе при такой угрозе со стороны вечных соседей, притворяющихся время от времени друзьями, но употребляющих острооточенный кинжал даже за мирным завтраком.

Да, пушки еще молчат, но газеты уже поют, чтоб пушки были готовы.

Ибо на той стороне замечено очень неприятное движение, или скопление, или вращение, короче, враждебная суета и бряцание.

Кто там бряцает или бряцает?

Тут не время думать об ударе.

Надо думать об ответном ударе.

И хочется понимать, если даже кто-то бряцает далеко, все равно надо выкатывать из капониров все, что может катиться, и прицеливаться и бряцать в ответ.

Всем думать головой в сторону возможного мерзавца.

А чтобы там не было неожиданностей, лучше их развязать самим. То есть предупредить, если получится.

Пусть опасаются!

Швейк прав и еще раз прав.

И, хоть его комиссия признала идиотом, он прав.

Душа радуется, когда наказание все же учитывает степень вины, хотя есть ограничения в питании, передвижении и отношении с женщинами, запрет на отношения с которыми и есть худшее наказание для настоящего солдата и патриота.

Призыв отказаться от встреч с женщинами хотя бы по нечетным числам почти виден, но еще не слышен в виде приказа.

Персонажи этой книги выглядят несколько глупее Швейка, законно признанного клиническим идиотом, из-за понимания всего происходящего в родной стране буквально! Буквально!

Отдавая честь беспрекословно, он доволен жизнью, сидя, стоя и бегом в указанном направлении, меняющемся ежеминутно.

Отчего он всегда опаздывает в никуда!

Великая книга.

Читать ее – как пить хорошее вино маленькими глотками, чтобы ощущать и наслаждаться настоящей выдержкой и прекрасным вкусом 1923 года.

И в завершение.

Достоинства нашей жизни также вполне соответствуют рассказам Швейка.

Вот был еще случай в Ростове.

Жители подали в суд на соседа, два года назад залившего их квартиру. Когда состоялся суд, сосед уже умер. И судили покойника, чтобы установить родственников для возмещения. Покойник в суд не явился...

Еще раз говорю, великая книга с бесконечным продолжением рассказов Швейка!